

ках которого говорящий мыслится находящимся в хронотопе событий как непосредственный наблюдатель, и информативный, когда говорящий сообщает о том, что непосредственно им не наблюдается. Рассматривая былинный текст применительно к двум этим регистрам, исследовательница делает вывод о том, что «кадрированные» участки текста соответствуют канонам репродуктивного регистра, а «некадрированные» — информативного.

Подобный подход к эпическому тексту позволил выявить специфические черты локально-темпоральной структуры былинного мира и обнаружить в его изображении признаки циклической и линейной манифестации времени, объективно представив соотношение акциональной и динамической линий былинного сюжета.

Литература

Артеменко 1993 — *Артеменко Е.Б.* Принципы организации народнопесенных текстов: былинное текстообразование // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 1993. № 3. Т. 52. С. 57—68.

Артеменко 1998 — *Артеменко Е.Б.* К проблеме повествователя и его языковой репрезентации в фольклоре // Филологические записки. Воронеж: ВГУ, 1998. Вып. 11. С. 186—195.

Артеменко 2001 — *Артеменко Е.Б.* К вопросу о семантике и структуре акционального текстообразующего блока в былинном // Проблема изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж: ВГПУ, 2001. С. 215—221.

Артеменко 2001а — *Артеменко Е.Б.* К вопросу о фольклорной формуле и ее языковой репрезентации // Язык и поэтика фольклора: Докл. междунар. конф. (15—18 сентября 1999 г.). Петрозаводск: ПГУ, 2001. С. 105—109.

Артеменко 2001б — *Артеменко Е.Б.* Фольклорное текстообразование и этнический менталитет // Традиционная культура. 2001. № 2 (4). С. 11—17.

Неклюдов 1972 — *Неклюдов С.Ю.* Время и пространство в былинном // Славянский фольклор. М.: Наука, 1972. С. 18—45.

Неклюдов 1973 — *Неклюдов С.Ю.* Заметки об эпической временной системе // Труды по знаковым системам. 6. Тарту, 1973. С. 151—165. (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та; Вып. 308).

Неклюдов 1975 — *Неклюдов С.Ю.* Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В.Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С. 182—190.

Яковлева 1994 — *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.

Н.Е. КОТЕЛЬНИКОВА

(Москва)

Рецензия на: Никитина А.В. Русская демонология. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 400 с.: ил.

В предисловии к книге «Русская демонология» А.В. Никитина приводит различные факторы, определяющие актуальность просвещения широкой читающей публики в области народных верований и прозаического фольклора. Первый из них заключается в том, что мифологическое сознание присутствует в каждом из нас. Рассказ о личном опыте автора, которым начинается книга, дает прекрасную возможность это понять и прочувствовать. Безошибочно выбрана тема прощания с умершими близкими. При всех изменениях образа жизни наиболее устойчивыми оказываются именно обрядовые традиции и мифологические представления, связанные со смертью.

Свидетельством потребности современного человека в обращении к забытым верованиям и мифологическим представлениям, со всей очевидностью проявившейся на фоне кризиса естественно-научного мировоззрения, могут служить разного рода ролевые игры, неоязычество, а также по-прежнему увлечение «Гарри Поттером» и «Властелином колец», литературой и кинематографом, наполненных фэнтези, а значит и мистикой, магией и т.п.

Одновременно меняются формы, в которых выражается интерес человека к древним верованиям и мифологии. «Похоже, на сегодняшний день вкусы изменились настолько, что нашему современнику уже недостаточно просто удовлетворить любопытство по этому предмету, но ему не нужна и исчерпывающая информация, мало заботят глубинные связи и объяснения причин» [с. 6]. Автор выделяет следующие положения, которые следует принимать в расчет:

«— полученная информация должна удовлетворять спрос, то есть извлекается только то, что представляет конкретный интерес (это приводит к поверхностности и фрагментарности);

— информация должна быть четко и компактно сформулирована, следовательно, остается самое главное, отсекаются неясности, убираются полутона (это приводит к упрощению и одномерности);

— в роли ведущего стимула выступает возможность практического применения; причем всё происходит на фоне завышенной самооценки (возникает ложное представление, что приобретенных знаний достаточно, чтобы справиться с любой ситуацией» [с. 6].

Всё это приводит к появлению множества магов, целителей и колдунов, моря литературы по практической магии, различным обрядам и ритуалам. А.В. Никитина намеренно не ищет информацию, а использует то, что насильно навязывается населению (например, в еженедельнике «Санкт-Петербургский курьер»).

С этим нельзя не согласиться. Житель любого населенного пункта сегодня подвергается давлению мощного информационного пресса. Откроем московские бесплатные «Центр плюс» или «Экстра М» и увидим массу предложений магических услуг, в которых причудливо переплелись традиции всех времен и народов: «Психологический приворот, приворот на половой чакре... Абсолютная кармическая защита» [Экстра М. Юг. № 21 (705). 3 июня 2006 г.]. А те, кому необходимо расширить свой кругозор и получить теоретические познания, могут обратиться к необъятному числу всяческих энциклопедий. Так, в серии издательства «Астрель» «AD MARGINEN» заявлены: «Энциклопедия колдовства и демонологии», «Энциклопедия гаданий и предсказаний», «Энциклопедия тантры», «Энциклопедия мистики XX века», «Энциклопедия сверхъестественных существ». Не отстают и издания для детей. Например, в детской энциклопедической серии «Я познаю мир» для среднего и старшего школьного возраста автор-составитель Е.В. Прокофьева опубликовала том «1000 тайн нечистой силы» (М., 2001). Она же «осчастливила» школьников книгой «Нечистая сила. Самая полная информация по всем областям знания» (М., 2003). Эти издания полностью удовлетворяют «требованиям», сформулированным А.В. Никитиной. К тому же в них содержатся удивительные факты, которые у фольклориста или этнографа могут вызвать целую гамму чувств — от недоумения до ужаса: «Рожали на Руси исключительно в бане, и банник любил даже, чтобы будущая мать переселилась из дома к нему не менее, чем за три дня до родов...» [Прокофьева 2003, 64]; «В одиночестве входила в баню накануне свадьбы девушка-невеста: там она плакала, прощаясь с родным домом, и просила банника предсказать ей будущее» [Там

же]. Но особенно потрясает портрет лешего: «У самого лешего правое ухо отсутствует. Волосы зеленые, на левую сторону зачесаны. Борода тоже зеленая. И глаза зеленые горящие, но — без бровей, без ресниц, а главное — без зрачков!» [Там же, 92—93].

Началось это не сегодня, и вполне закономерно и отрадно желание специалистов в области традиционной народной культуры отвечать на поток масскультурных изданий компетентно подготовленными книгами, дающими широкому читателю возможность познакомиться с достоверной информацией, которая накоплена наукой. Одним из таких важных и нужных изданий и стала новая книга А.В. Никитиной «Русская демонология».

Последние десять-пятнадцать лет в научной и научно-популярной литературе по народным верованиям и мифологии преобладали словарно-энциклопедические издания, имеющие достаточно солидные словники [Власова 1995; 2001; СД 1995—2004; СМ 1995—2002; ЭС 1995]. А.В. Никитина возвращается к жанру очерков, всестороннему описанию основных демонологических персонажей, которое в свое время использовали В.И. Даль, Э.В. Померанцева и др. [Даль 1994; Померанцева 1975].

Создавая цельные образы представителей «низшей мифологии», автор привлекает очень интересные подборки разнообразных по сюжетам и жанрам фольклорных текстов, которые помогают читателю проникнуться особой атмосферой народного рассказа, прочувствовать своеобразную эстетику страшного, заключенную в них, и непосредственно воспринять переживания самого рассказчика. Складывая с помощью автора содержащиеся в них сведения, мы можем представить себе внешний облик демонологических существ, узнать о месте их проживания и семейном положении, об их характерах и привычках, способах проявления себя. В каждой главе вслед за подробным изложением материала следует обобщение информации в прагматическом аспекте: как следует вести себя в ситуациях контакта с различными представителями нечистой силы в повседневном быту. Руководство к действию оформлено в виде списка, каждый пункт выделяется подчеркиванием. Например, предостерегая читателя от необдуманного использования сомнительных книг по бытовой магии для привлечения в дом домового [с. 13—14], автор дает ряд квалифи-

цированных советов, как помириться с домовым [с. 29], и приводит свод правил поведения, которые следует исполнять, чтобы вовсе избежать конфликтов с ним [с. 30—33]. Практический смысл, извлекаемый таким образом, может помочь воспринять предлагаемую информацию читателю, который доверяет опыту предков и ищет в нем ответов не только на духовные, но и на житейские вопросы.

Усвоению сложного материала способствуют и многочисленные связи, которые А.В. Никитина устанавливает между фактами современной, классической и традиционной культуры. Так, эпиграфом к главе о водных духах она ставит фрагмент хорошо известной и взрослым и детям песники водяного Ю. Энтина из мультфильма «Летучий корабль» («Я — водяной, я — водяной...»). Знакомый образ служит отправной точкой, от которой можно оттолкнуться, в сравнении с которым легче понять, каков «настоящий хозяин вод, выплывающий из глубин древнего мифологического сознания...» [с. 91].

Помимо богатейшего материала, непосредственно раскрывающего образы демонических существ, все главы содержат очень большой объем сопредельной информации. Так, в связи с рассказом о домовом мы узнаем, кто такие нави, какие жертвы приносились при строительстве дома, как поведение петуха в новом доме рассказывает о будущем там житье, почему детям запрещают болтать ногами, сидя за столом. Читая о кикиморах, мы заодно учимся правильно вести себя с разного рода мастерами, вплоть до сантехников [с. 63], а знакомясь с водяным, овладеваем приемами рыбацкого счастья [с. 117]. А.В. Никитина дает своим читателям возможность узнать многое, что неизбежно разматывается из клубочка традиционных верований и возникающих культурных ассоциаций, стоит только потянуть за какую-нибудь «ниточку».

Не менее содержательны, чем основной текст, примечания к нему, которые даны мелким шрифтом и часто весьма значительны по объему. Возможно, такая форма подачи материала помогает сделать текст более компактным, но иногда затрудняет восприятие: увлекаясь сносками, легко потерять основную линию повествования.

В аннотации к книге заявлено: «Автор предпринял попытку в облегченном варианте (без основательного погружения в глубины научных исследований с их неизбежной, но необходимой систематикой,

скрупулезным анализом и непростой терминологией) познакомить читателя с малой частью сложного многомерного мира народных представлений». Тем не менее, несмотря на очень свободную манеру изложения и популяризаторские цели, А.В. Никитина вводит в свое повествование не только фольклорные записи и своды правил поведения человека при контакте с потусторонними силами, но и серьезные научные гипотезы о происхождении образов и самих персонажей, их связях с различными стихиями и между собой, обрядовом контексте; приводит международные параллели; использует множество научных понятий и терминов. В целом, информация излагается очень концентрированно, а потому издание требует подготовленного и терпеливого чтения.

Книга состоит из одиннадцати глав. Десять из них посвящены основным демонологическим персонажам: «Домовой», «Кикимора», «Банник», «Водяной», «Леший», «Полевик да полуденица», «Летун (огненный змей)», «Покойники: свои и чужие», «Колдуны, ведьмы и знахари», «Черт». Одиннадцатая (но десятая по оглавлению), рассказывающая о гаданиях и вещих снах, названа «Заглянуть судьбе в глаза».

В названиях глав вынесены десять основных типов персонажей, однако по ходу дела мы узнаем о гораздо большем числе представителей низшей мифологии. У домового тоже есть хозяйка. «Где жена, там, стало быть, и дети. Бывает, что совсем малые домовеночки...», — пишет автор [с. 35]. С образом домового автор связывает и домовую змею и змея-носака. При баннике выступают и беспятые анчутки и банные черти [с. 87]. Таким образом, количество представленных образов растет за счет родственных и типологических связей различных духов. В круг исследования также вполне закономерно включаются различные группы людей, приобретающие в общении с потусторонними силами особый статус: рыбаки, мельники, пчеловоды, пастухи.

Не вполне понятно решение автора развести по отдельным главам образы летунов и покойников. Представления о них тесно переплетены в народных рассказах. Летун характеризуется в книге следующим образом: «В его облике причудливо переплелись черты библейского змея искушителя с чертами ходячего покойника (вампира), зооморфные ипостаси предка-пращура и владыки или стража границы “ино-

го” мира, а также одного из древнейших символов плодородия» [с. 179]. Но эту информацию скорее можно извлечь из не указанных автором научных исследований, а не из приведенных в книге текстуальных примеров. Народные же рассказы не разделяют эти два образа так четко: когда покойники приходят к людям, которые сильно о них тоскуют, соседи видят огненные шары, корчаги и т.д. Нечистый может принимать вид того, о ком тоскуют, не прилетая при этом огненным змеем. Так, во время войны близким являлись не покойники, а еще живые люди, причем не только мужья вдовам, но и дети родителям. Человек, чей образ принимал нечистый, мог в дальнейшем вернуться живым¹. Практически одинаковы способы избавления от летунов и от ходячих покойников. Безусловно, образ «своего» покойника, который является во сне и просит передать что-нибудь (например, тапочки [с. 226]) или приходит прощаться на сорок дней, представляет собой совершенно другой тип персонажа, нежели приходящий по ночам к сильно тоскующей вдове умерший муж, но даже их не всегда можно безоговорочно разделить. А уж отделить покойника от летуна еще труднее. Представим себе следующую ситуацию: в записанной нами быличке покойник просто приходил к вдове, и этот текст мы помещаем в главу «покойники» (ср. с примерами на с. 233). Однако дальнейшие расспросы соседей дадут нам информацию о том, что они видели огненный сноп, рассыпающийся искрами над трубой дома вдовы, а значит, их текст придется включить уже в главу «Летун».

Использование метода реконструкции обобщенного образа на основе разнокальных, разновременных и разножанровых материалов неизбежно приводит к определенным исследовательским натяжкам. Каждый персонаж в каждой конкретной местности в определенный отрезок времени имел свой цельный специфический образ, отдельные черты которого нашли отражение в зафиксированных фольклорных текстах и этнографических сведе-

¹ Например, дочка, работающая на лесоповале, являлась своей матери: «*И я, говорит, стала к ней ходить. Пришла и говорю: “Мам! Ты чего плачешь. Ведь я пришла к тебе. Я домой пришла”.* Она на печке спала, и вот, говорит, я на печку-то лезу-лезу. Посмотрю, правда — голова, а стала там смотреть, а там хвост» [Котельникова 2004, 477]. Женщину спасла молитва, а дочь потом благополучно вернулась домой.

ниях. Степень же родства этого персонажа с тем, который выделяется как основной и реконструируется учеными, не всегда четко определима. В полевой практике многие фольклористы сталкивались с ситуацией, когда при современном разрушенном состоянии традиции точно назвать сверхъестественное существо не может ни сам рассказчик, ни исследователь.

Не вполне обоснованным представляется и плавное перетекание «змеиной» темы в тему кладов. Решение поместить в главу «Летун (огненный змей)» подборку рассказов о кладах, в целом прекрасную и в жанровом и в сюжетном отношении, воссоздающую разнообразные народные представления о чудесных сокровищах, вряд ли можно назвать удачным. Главы про летуна и покойников воспринимались бы лучше, если бы не разделялись этим значительным отступлением к теме кладов, которая занимает вполне самостоятельное место в русском фольклоре и могла бы послужить основой для отдельной главы.

Книга не является сугубо научным изданием и не призвана произвести впечатление на узких специалистов. Тексты устных рассказов из новых записей и старых этнографических источников в большинстве своем уже введены в научный оборот. В данной работе основной массив фольклорных произведений и этнографических сведений чаще всего цитируется или пересказывается по доступным сборникам текстов, статей и научно-популярным книгам, изданным (или переизданным) в Санкт-Петербурге в последние десять-пятнадцать лет [Даль 1994; 1994а; Максимов 1994; Адоньева, Овчинникова 1993; Власова 1995; 2001; Черепанова 1996 и др.], хотя, конечно, дополняется и из других необходимых источников (в том числе и из личного архива автора). Но ценность работы А.В. Никитиной с этими текстами заключается в составлении богатейшей и репрезентативной подборки и соответствующей подаче широкой публике. Автору удается увлечь читателя в незнакомый ему изумительный мир народной речи, ярких образов, метких характеристик, удивительных историй.

Манера изложения избрана доверительная, хотя порой и несколько фамильярная, как по отношению к читателю, так и к мифологическим персонажам. Используются непосредственные обращения к аудитории: «Судите сами» [с. 69], экспрессивные характеристики героев: «Он страшен, коварен и жесток, как сама стихия, кото-

рую он воплощает. Какое там дружбу водить!» [с. 91]; «Любит леший броские “аксессуары” — какую-нибудь яркую деталь в одежде, что-нибудь красненькое, чтобы глаз радовало...» [с. 137].

Впечатляет богатое и разнообразное оформление книги. Текст сопровождают 73 иллюстрации, в качестве которых используются лубочные картинки, старинные миниатюры и гравюры, рисунки И.Я. Библина, картины А.Г. Веницианова, К.П. Брюллова, М.В. Нестерова, Б.М. Кустодиева, почтовые открытки, обложки песенников и пр. Жаль, что в цвете выполнена только обложка. Книга содержит также «Словарь диалектных и устаревших слов и выражений», список литературы, список сокращений, список иллюстраций.

Хочется вместе с А.В. Никитиной надеяться, «что получившиеся очерки позволят читателю взглянуть по-новому на упоминаемых на этих страницах персонажей. Возможно, что по прочтении у него возникнет желание узнать обо всем этом по больше и поподробнее» [с. 10].

Литература

Адоньева, Овчинникова 1993 — *Адоньева С.Б., Овчинникова О.А.* Традиционная русская магия в записях конца XX века. СПб., 1993.

Власова 1995 — *Власова М.Н.* Новая АБЕ-ВЕГА русских суеверий. СПб., 1995.

Власова 2001 — *Власова М.Н.* Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб., 2001.

Даль 1994 — *Даль В.И.* О повериях, суевериях и предрассудках русского народа / Сост. Н.В. Ушаков. СПб., 1994.

Даль 1994а — *Даль В.И.* Русское колдовство, ведовство, знахарство. СПб., 1994.

Котельникова 2004 — *Былички* / Сост. Н.Е. Котельникова // Традиционная культура Гороховецкого края: В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 471—489.

Максимов 1994 — *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994.

Померанцева 1975 — *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

Прокофьева 2003 — *Нечистая сила. Самая полная информация по всем областям знания* / Авт.-сост. Е.В. Прокофьева. М., 2003.

СД 1995—2004 — *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 1. М., 1995; Т. 2. М., 1999; Т. 3. М., 2004.*

СМ 1995—2002 — *Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995; Изд. 2-е. М., 2002.*

Черепанова 1996 — *Мифологические рассказы и легенды Русского Севера* / Сост. и авт. коммент. О.А. Черепанова. СПб., 1996.

ЭС 1995 — *Энциклопедия суеверий. М., 1995.*

В ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕСПУБЛИКАНСКОМ ЦЕНТРЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛЮРА

вышла в свет книга

Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 9. Сборник научных статей по материалам конференции / Сост. М.Д. Алексеевский, В.Е. Добровольская. — М., 2006. — 336 с.

Книга представляет материалы докладов ежегодной конференции «Славянская традиционная культура и современный мир», которую Государственный республиканский центр русского фольклора проводит в рамках Дней славянской культуры и письменности. Авторы статей затрагивают наиболее актуальные проблемы отечественной фольклористики, среди которых выявление функций фольклора и специфики формирования народных традиций в современном обществе. Рассмотрены новые элементы системы фольклорных жанров и приемы, участвующие в создании фольклорного текста. Фольклор интерпретируется как мировоззренческий феномен в свете теории когнитивной лингвистики. В то же время в сборнике представлены работы по историографии и поэтике фольклора.

Издание содержит информацию о различных подходах к изучению традиционной культуры, что делает книгу привлекательной как для специалистов различных областей народознания, преподавателей, студентов, так и для широкого круга читателей.

Приобрести книгу можно по адресу: **119034, Москва, Турчанинов пер., д. 6.**

Тел.: (495) 245—22—05. Факс: (495) 245—06—75.

При оплате по безналичному расчету просьба сообщить точные реквизиты Вашей организации.